

ОПИСАНИЕ КАК КОМПОНЕНТ СТРУКТУРЫ ТЕКСТА (ПОВЕСТЬ ГОГОЛЯ «ТАРАС БУЛЬБА»)

Арват Н. Н.

Нежинский госпедуниверситет им. Николая Гоголя

В изучении структуры текста применяется несколько подходов, в числе которых широко известна трактовка данной структуры в вертикальном и горизонтальном плане [З.Я.Тураева, 1986: 58]. Первое представляет собой исследование глубинной и поверхностной структуры текста, второе – его линейное развертывание. В художественном произведении линейное развертывание текста может рассматриваться в свою очередь в нескольких аспектах, одним из которых является рассмотрение композиционно-содержательной организации текста. Линейное развитие изложения в художественном произведении осуществляется в последовательном чередовании и комбинациях композиционно-речевых (или контекстно-речевых) форм (КРФ), – повествования, описания, размышления, чужой речи. В связи с этим композиционно-речевая структура художественного текста четырехкомпонентна. Названный подход представляет собою один из видов интерпретации текста [В.А.Кухаренко, 1988; И.Р. Гальперин, 1981; Лингвистика текста, 1974; В.Я. Мельничайко, 1986; Л.М. Лосева, 1980] .

КРФ художественного текста в свою очередь могут изучаться в нескольких планах: в плане внутренней, грамматической организации, в планах предметно-содержательном, функциональном, во взаимодействии с другими КРФ. Названные подходы в изучении описания в целом помогают выявить характерные черты, отличающие его от повествования и размышления. Вместе с тем представляет интерес изучение данной КРФ в произведениях отдельных авторов, что позволяет глубже проникнуть в тайны художественного мастерства писателя, в своеобразие его стиля.

Обращаясь к рассмотрению КРФ описания в повести Гоголя «Тарас Бульба», мы остановимся на его предметно-содержательной, функциональной сторонах и некоторых особенностях построения.

Описание в повести представляет собою преимущественно цельный фрагмент текста, но может составлять часть сверхфразового единства, тесно взаимодействуя с повествованием (либо в пре-, либо в постпозиции к нему) и размышлением (обычно в препозиции к нему).

Предметно-содержательная сторона КРФ описания в повести «Тарас Бульба», частично связанная с отражением исторических фактов, но более – с авторским художественным представлением определенных явлений, очень широка. Предметом описания являются люди, помещения, природа, действия и события. Функциональная сторона описания традиционна, отмечаются такие функции, как информативная, эмоционально-эстетическая, а также собственно текстовые функции – связующая и вводящая.

Описание людей в повести включает портрет и черты характера. При этом всегда четко ощущается авторское отношение к героям. Встречаем описания индивидуальные и групповые; индивидуальные – Андрия, панночки, эскизно

–татарки; групповые – толпы на площади в Варшаве и группы «жидов», обсуждающих намерение Тараса встретиться с Остапом.

Описание всегда информативно, на него наслаивается та эмоционально-эстетическая окраска, которая обуславливается авторским отношением к предмету. Так в первом, вводящем описании сыновей Бульбы («*Это были два дюжие молодца, еще смотревшие исподлобья... Крепкие, здоровые лица их были покрыты первым пухом волос...*») (с. 29) ощущается теплота и симпатия. В первой же сцене кратко сказано о матери («*бледная, худощавая и добрая*») (с. 29), в чем выражается сочувствие, особенно открыто проявившееся в дальнейшем изложении.

Из всех членов семьи Тараса автор более останавливает внимание на Андрии («*...В чертах лица более выразалось какой-то нежности*») (с.39), «*...краса и сила юношеского мужества*») (с.83), «*ясною твердостью сверкал глаз его, смелою дугою выгнулась бархатная бровь, загорелые щеки блистали всею яркостью девственного огня, и, как шелк, лоснился молодой черный ус*») (с.83)).

Автор неоднократно подчеркивает красоту Андрия в различных ситуациях. Так, жид Янкель описывает его в дорогом наряде – «*Теперь он такой важный рыцарь... и наплечники в золоте, и нарукавники в золоте...*») (с.92). Прекрасен Андрий и в бою со своими же запорожцами. – «*Впереди других понесся витязь всех бойчее. Так и летели черные волосы из-под медной его шашки, вился завязанный на руке дорогой шарф, шитый руками первой красавицы. Так и оторопел Тарас, когда увидел, что это был Андрий*») (с.119). Подчеркивается также красота убитого Андрия и горестные размышления над ним Тараса (с.121). Автор на судьбе Андрия показывает, что в таком грубом, разгульном, сугубо военном «безженном» сообществе, какое составляли запорожские казаки, нет места красоте, нежности и любви. Это четко проявилось в отношении Тараса к жене, к Андрию, а также в его мысленной казни прекрасной панночки. Известно, что в разные времена у многих народов любовь к человеку из числа врагов считалась предательством, а тем более «в тот тяжелый XV век».

Красоту Андрия, а более панночки, автор описывает в высоком стиле, восторженно, это описание, включающее немало подробностей («*грудь, шея и плечи заключились в те прекрасные границы, которые назначены вполне развившейся красоте*», «*волосы... обратились в густую роскошную косу*», «*Она потупила свои очи; прекрасными снежными полукружьями надвинулись на них веки, окраенные длинными, как стрелы, ресницами*», «*блистающие пальцы*», «*прекрасная голова*», «*белоснежные зубы*») и др. (с.84)) имеет в большей степени эмоционально-эстетическое значение. Уделяя внимание описанию Андрия и панночки, их любви, автор, возможно, подчеркивает, что прекрасному нет места в этой жестокой среде, оно обречено на гибель.

Небезинтересен и ироничный портрет толпы, собравшейся на площади посмотреть на казнь запорожцев, в числе которых был Остап. Автор создает описание, пронизанное иронией, выражающей его отношение к этим «зрителям». –«*Множество старух, самых набожных, множество молодых девушек и женщин,*

самых трусливых, которым после всю ночь грезилась окровавленные трупы..., не пропускали однако также случая полюбопытствовать... На переднем плане ... стоял молодой шляхтич ... в военном костюме, который надел на себя решительно все, что у него ни было, так что на его квартире осталась только изодранная рубашка да старые сапоги...» (с. 137).

В целом портретных описаний в повести мало, автор создает в основном сущностные образы героев, которые складываются из совокупности отдельно разбросанных черт и действий героев.

Описания помещений (жилища, католического храма, улиц, осажденного города, дома воеводы и др.) включает много реалистических подробностей, отражающих национально-культурную специфику. Таково описание светлицы в доме Тараса Бульбы (близкое к описанию светлицы в доме Данилы Бурульбаша в повести «Страшная месть»). Разбросанные по повести описательные этюды из жизни и быта Запорожской Сечи, характеризующие бытовое устройство этой «республики», также имеют культурно-историческое значение (ср. «Взгляд на составление Малороссии»). В описании католического храма приведены детали, имеющие реальную основу и перекликающиеся отчасти с материалами гоголевской статьи «Об архитектуре нынешнего времени». Авторское отношение к готическим храмам сходно с восприятием храма Андрием, последнее Гоголь показал в реакции Андрия на «чудо», произведенное солнечным светом, упавшим на цветные стекла, и органной музыкой. – «*Андрий не без изумления глядел на чудо, произведенное светом*», «*дивился Андрий с полуоткрытым ртом величественной музыке*» (с.78-79). Эти описания имеют информативное и эмоционально-эстетическое значение, они выполняют культурно-познавательную функцию. То же присуще описаниям города, его домов и улиц.

Сопоставление описаний Запорожской Сечи и польского города открывает читателю две национальные культуры одного времени, но разного уровня.

Описание природы в повести связано с любимыми авторскими объектами: степью, ночью, Днепром. Описание степи дано по ходу повествования о путешествии на Сечь. Степь представлена панорамно, поэтично, здесь ощущается восторг автора. Степь показана во всей полноте своей жизни: в цвете, звуках, движении. В описании широко используются колоративные прилагательные, подчеркивающие красочность, яркость цветущей степи, ее свежесть и природную жизненную силу. Преобладает мажорная цветовая гамма («*зеленая девственная пустыня*», «*зелено-золотой океан*», «*голубые, синие, лиловые волошки*», «*желтый дрок*», «*белая кашка*», «*синие волны воздуха*» и др. (с. 45). Употреблены сложные прилагательные, выражающие оттенки цвета (темнозеленые, изголуба-темные). Описание степи днем и ночью эмоционально окрашено, это любовно созданное красочное полотно. Оно отличается также ритмичностью, синтаксическим параллелизмом. Степь поражает не только красочной цветовой гаммой, но и активной жизненной силой. Автор отмечает множество живых существ («*шныряют куропатки*», «*в воздухе птичий свист*», «*в небе крик диких гусей*», чайка «*роскошно купается в волнах воздуха*»). Вполне естественна эмоциональная оценка: «*Степи,*

как вы хороши!» (с.45).

Описание Днепра вставлено в «рамку» повествования. – *«В воздухе вдруг заохлодело: они почувствовали близость Днепра. Вот он сверкает вдаль и темною полосой отделился от горизонта. Он веял холодными волнами и расстилался ближе, ближе и, наконец, обхватил половину всей поверхности земли. Это было то место Днепра, где он, дотопе спертый порогами, брал наконец, свое и шумел, как море, разлившись по воле; где брошенные в середину его острова вытесняли его еще далее из берегов и волны его стлались широко по земле, не встречая ни утесов, ни возвышений. Казаки сошли с коней своих, взошли на паром...»* (с.47). В описании подчеркнуты свобода и мощь Днепра, он показан в зрительном восприятии людей. Данное описание наряду с информативной и эмоционально-эстетической имеет в тексте связующую функцию – как звено в повествовании о путешествии отряда Тараса по степи и повествовании о прибытии на Сечь.

Описания ночи лирически окрашены. *«Июльская чудная ночь обняла воздух, на небе бесчисленно мелькали тонким с острым блеском звезды...»* (с.70). *«Ночь еще только обняла небо... месяц с вышины неба давно уже озарял весь двор...»* (с. 37).

Пейзажные зарисовки гармонируют с состоянием героев. Так, в грустное для матери утро отъезда сыновей из отчего дома *«день был серый, ... птицы щебетали как-то вразлад»* (с.39). В ночном небе, на которое смотрел Андрий, томимый неясным тяжелым предчувствием, отмечены зловещие явления: отблески пожаров, связанных с «разгулом» казаков, которые жгли и уничтожали все на польской земле. – *«...что-то величественное и грозное примешалось к красоте июльской ночи, это были зарева вдаль догоравших окрестностей. В одном месте пламя спокойно и величественно стлалось по небу; в другом, встретив что-то горючее и вдруг вырвавшись вихрем, оно свистело и летело вверх, под самые звезды, и оторванные хлопья его гаснули под самыми дальними небесами. Там обгорелый черный монастырь... выказывал при каждом отблеске мрачное свое величие. Там горел монастырский сад...»* (с.71). Особенно зловеще зрелище освещаемых пожаром слив, груш и рядом повешенных жида и монаха. Это соседство еще раз показывает уничтожающую силу казацких «походов», слепую жестокость «войны за веру». В приведенном описательном фрагменте широкая панорама устроенных запорожцами пожаров подчеркивается локальными указателями. Эти картины имеют вместе информативное и эмоционально-оценочное значение.

Немалое место занимает в повести описание действий, совершаемых одновременно большим количеством людей. Это создает динамичную картину. Так, представший отряду Тараса общий вид трудового предместья Сечи, одевавшего, кормившего и поившего запорожцев, выражен описательным компонентом с указанием деятелей и их действий, собственно, работы. – *«При въезде их оглушили пятьдесят кузнецких молотов... Сильные кожевники сидели под навесом крылец и мяли своими дюжими руками бычачьи кожи. Крамари под ятками сидели с кучами камней, огнивами и порохом. Армянин развесил дорогие платки. Татарин ворочал на рожнах бараны катки с тестом. Жид, выставив вперед свою голову, цедил из бочки горелку...»* (с. 42).

Панорамные картины подготовки запорожцев то к морскому походу («пошарпать берега Натолши»), то к сухопутному («на ляхов»), представлены в описании такой же всеобщей, уже коллективной и единой направленной занятости. Они создаются повтором локальных компонентов (там...там...); большой охват участников выражается повтором слов субъектного значения (те... те...), – «Вмиг толпою народа наполнился берег. Несколько плотников явились с топорами в руках. Старые... стояли по колено в воде и стягивали челны. Другие таскали... Там обшивали досками челн; там конопатили и смолили..., там увязывали...; там розложили костры... Бывалые и старые поучали молодых... Весь колебался и двигался живой берег» (с. 60). «Вся Сечь отрезвилась. Те исправляли ободья колес...; те сносили на возы мешки...; те пригоняли коней и волов. – И скоро далеко-далеко вытянулся казачий табор» (с. 65).

Аналогично построены описательные компоненты, представляющие ситуацию жаркого боя казаков с ляхами. Панорамность действия создается также повтором локальных и субъектных указателей. – «Оглянулись казаки, а уже там сбоку казак Метельця угощает ляхов, шеломя того и другого; а уже там, с другого напирает врага и бьется Закрутыгуба; а у дальних возов третий Пысаренко отогнал уже целую ватагу. А уж там, у других возов, схватились и бьются на самих возах» (с. 117).

Динамичная картина боя с повтором темпорального компонента уже показывает нарастание напряженности в бою. – «Казаки, казаки! Не выдавайте лучшего цвета вашего войска! Уже обступили Кукубенка, уже семь человек только осталось из всего Незамайковского куреня; уже и те отбиваются через силу; уже окровавилась на нем одежда... Сам Тарас, увидя беду его, поспешил на выручку» (с. 118). «Уже редели сильно казацкие ряды; многих, многих храбрых уже недосчитывались; но стояли и держались еще казаки» (с. 118). Панорамные описания действий являются особенностью гоголевского изображения событий и картин жизни.

Описание, как КРФ, выполняет в повести важные функции. Помимо присущей ему текстовой функции представлять героев, предметы и др. и показывать их в полноте их свойств и качеств, описание выражает всегда авторский взгляд на те же предметы. Читатель по содержанию и эмоциональности описаний уже видит позицию автора – одобряющую или осуждающую. В гоголевских описаниях множество ярких художественно-изобразительных средств, среди которых преобладают эпитеты, метафоры и сравнения. Немало гоголевских описаний стало хрестоматийно-показательными («Степь»). Без красочных описаний повесть «Тарас Бульба», столь патриотичная и волнующая, не обладала бы такой покоряющей силой.

Литература

- Гак В.Г. О семантической организации текста. //Лингвистика текста. Мат-лы науч. конф. ч.1, М., 1974.
Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 1981.
Гоголь Н.В. Тарас Бульба. // Н.В.Гоголь. Собрание сочинений в восьми томах. – М., 1984. – т. II.
Гоголь Н.В. Взгляд на составление Малороссии. Об архитектуре нынешнего времени // Н.В.Гоголь Собрание сочинений в восьми томах. – М., 1984. – т. 7.
Кухаренко В.А. Интерпретация текста. – М., 1988.
Лингвострановедение и текст. – М., 1987.

Лосева Л.М. Как строится текст. – М.,1980.

Мельничайко В.Я. Лінгвістика тексту в шкільному курсі української мови. – К., 1986.

Тураева З.Я. Лингвистика текста. – М.,1986.